

ЕЛЕНА ГАЙВА

Гуси
не в счёт,
Муж впридачу

Елена Глива

Гуси не в счёт, муж в придачу

«Литнет»

2026

Глива Е.

Гуси не в счёт, муж в придачу / Е. Глива — «Литнет», 2026

Попаданка? Да! Графиня? Тоже да. А где драконы, эльфы и гаремы с принцами? А нет их! Есть замок «Гнилой Утёс» с дырявой крышей, есть муж-симулянт - ипохондрик в плеле. Есть полчища наглых гусей во главе с Арнольдом. Слуги сбежали, жрать нечего, в камине - вековая сажа... Анна Семёновна бывший прораб. Ей известно лекарство от всех болезней: трудотерапия ремонтом и клизма с солью. А от лени - веник по мягкому месту. И гусей она тоже заставит работать. Устоит ли граф Демиан перед таким натиском? Или гуси всё-таки разведут их по разным углам?

© Глива Е., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Попала Семёновна	5
Глава 2. Инвентаризация ужаса	10
Глава 3. Кухня – фронтовая полоса	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Глава 1. Попала Семёновна

В тот крайне злополучный день всё началось с того, что Катька, противная малярша, недавно устроившаяся на работу, наотрез отказалась лезть штукатурить стену фасада второго этажа на объекте.

- Не лезу, лучше уволюсь, - пыхтела она, как закипающий чайник. – Там всё сбито сикось-накось. Стоит ветру подуть, вся эта конструкция ходуном ходит, а у меня детки малые. Не лезу.

У Анны Семёновны деток не было, сроки поджимали, рассердилась она, ну и... полезла, короче. А Катька-то, гадина, и не наврала ни капли, про то, что леса неисправные. Гнилая доска под ногой треснула и Анна Семёновна полетела с уровня второго этажа вниз.

Сердце зашло. Испуг заставил сердце замереть в груди. Мир закувыркался и завертелся перед глазами.

Последней мыслью было: «Меня убьют, ведь теперь не успею сдать объект вовремя».

Больница, гипс, потерянные возможности... вот о чём она думала.

Сознание вернулось резко, будто кто-то нажал кнопку «ВКЛ».

Она села, чувствуя, как мучительно трещит голова. Тело слушалось плохо, было как чужое – но уже хорошо, что слушалось. Всё-таки полёт с высоты на асфальт... везучая она всё-таки. Как ухитрилась ничего себе не сломать – загадка.

Одно смушало. Лёгонькое оно стало, тело это. Будто Анна Семёновна разом утратила всю свою солидность, идущую в комплекте к 56 размеру. Такое лёгкое, что прямо отсутствующим ветром сдувало – так и тянуло повалиться обратно вниз. На пол.

Но стоило открыть глаза и падать расхотелось. Пол был невероятно... грязным. Просто свинячий, не бояться сказать, пол! Как на таком вообще стоять-лежать можно? Тут хоть летать учиться, чтобы стопы не осквернить такой пылью, что, наверное, щиколотку целиком проглотит в своих пушистых недрах?

Анна Семёновна стояла, открыв рот, и медленно поворачивалась вокруг своей оси, оценивая обстановочку. А она была, мягко говоря, не айс.

Комната – с позволения так сказать, если слово можно применить к помещению, куда затейница судьба непонятно каким образом загнала облегчившиеся тела Семёновны, - была просторной. И в этом был её единственный плюс. Потому что состояние помещения – удручающее. Обои свисали клочьями, будто их десяток котов драли три ночи напролёт. Пол проваливался в чёрную дыра. А в углу валялся скелет какого-то животного.

Ну, то есть Семёновна на это надеялась. А так, может быть, и сгинул тут в грязи человек, никто и не заметил. И вон до какого состояния дошёл, бедняжка.

Как её-то угораздило тут очутиться? Падала-то она посреди улицы. там асфальт был, помнится, и клумбочки...

Пошатываясь, побрела Семёновна к мутному овальному зеркалу, косо висящему на одном гвозде. Добрела. Заглянула.

И завопила во весь голос. Правда, не тем, к которому привыкла – зычным, глубоким голосом виолончели, от которого, когда она бывала сильно не в духе и матёрые мужики едва в штаны не облегчались, а разродилась каким-то комариный, жалобным, несолидным писком. Тьфу!

Перестав вопить придушенной мышью, Семёновна уставилась на собственное мутное отражение. Которое её не напоминало от слова – «совсем». Это что за мими-пулька пупырашная? Да у неё в прошлой жизни одна нога больше весила! Не мудрено, что шатает и никакой устойчивости не наблюдается. И это ещё даже ветра толком нет – так, лёгкий сквознячок.

Где её объект? Где её бригада? Где она сама? Ладно, раз вокруг творится бред, то чему удивляться, если он сохраняется и в мелочах?

Хотя... можно ли назвать мелочью себя любимую? Ту, которую Семёновна видела сейчас в отражении, определённо можно.

Единственное, что от неё любимой ещё осталось, так это выражение лица – растерянно-злое, с прищуром человека, который только что понял, что его обманули.

Но само лицо оказалось другим: острые скулы, огромные серые глаза, тонкие бледные губы.

Красивая девица. Красивая. И молодая.

Как её, опытную тётку, угораздило в такое угодить?.. Попала Анна Семёновна. Попала. Попаданка ты теперь, итить навертить. Как теперь, скажите, жить?

Тут в голове будто кто-то включил радио на полной громкости и хлынули чужие воспоминания.

Графиня Изабель де Кру. Муж Демиан. Замок "Гнилой Утес". Долги. Слуги сбежали...

Анна присвистнула. Ну, и ситуация! А почему, собственно, так? Почему нормальным попаданкам достаются в мужья драконы-генералы, эльфы-короли, ну, на крайний случай принцы-орки. А то и не по одному, и для всех-то такая попаданка желанна до кровавых соплей и слюны из пасти, что прям: «А-р-р-р! Моя».

А её занесло в «Гнилой Утёс». Где наверняка проживают сорок кошек. Да ещё и слуги сбежали! Вот за что ей всё это? Ну, почему она не принцесса? Где её гарем? Где влюблённые красивые мужчины и миссия по спасению мира – где?!

Семёновна оглядела стены - профессиональная привычка сработала автоматически: двадцать лет прорабского стажа не пропьёшь. Взгляд отметил трещины вдоль швов, влажные пятна в углах, прогнившие балки перекрытия.

Приговор был коротким и жестоким: капитальный ремонт. Срочно. Без вариантов!

Мир, может быть, ей спасти и не по зубам, но замок... замок она отвоюет. И придумает ему имечко получше, чем «Гнилой Утёс». Кто вообще в здравом уме назовёт так своё жилище? Хотя, конечно, название соответствует тому, что она видит, но...

За стеной кто-то закашлял. Громко, театрально. Словно говоря: «Я сейчас умру, если никто не обратит на меня внимание».

Семёновна, конечно, маляр, а не лекарь... но умирать в одиночестве никому не позволит.

Она решительно выдвинулась в соседний зал, застав там картину, достойную художника-сюрреалиста: гобелены висели тряпками, штукатурка на потолке осыпалась ещё вчера, а в центре, в массивном дубовом кресле, укутанный в плед с ног до головы, восседал – ОН!

Предположительно – её муж. Граф Демиан де Круа.

Не дракон. Не эльф. И не орк (слава тебе, господи!).

Обычный мужик, туго завернутый в клетчатый плед. Только глаза из одеяльца торчали. Большие такие, карие. С поволокой. А ещё кончик носа – длинный, аристократический, с горбинкой.

Этот нос подозрительно подергивался, когда Демиан делал вид, что задыхается.

– Изабель... – простонал он слабым голосом. – Это ты... Чувствую, что конец близок... Прости меня за все...

Анна подошла и села на корточки рядом с креслом. Посмотрела на странного мужика.

- Кто тут Изабель? Я – что ли?..

Тот старательно закрыл глаза и задышал часто-часто, будто у него одышка.

- Я задыхаюсь! Я задыхаю и сейчас умру! Ах...

– Вопрос на засыпку, – медленно протянула Анна тем самым тоном, которым спрашивала с незадачливых работников недостатку. – Как ты вообще исхитрился не задохнуться до сей поры, хворый? Ты почему в пледе сидишь?

Глаза графа удивлённо распахнулись:

– Что?..

– А то! Я спрашиваю, – повторила Анна терпеливо, как с неразумным ребенком, – зачем ты кутаешься? На улице, между прочим, солнце. Вэтом, с позволения сказать, зале – градусов двадцать пять. Захочешь замёрзнуть, не получится. Ты потеешь под этим пледом, потому и задыхаешься. А ну, отдай сюда.

Семёновна забыла, что былой весомости в новом теле нет, но сноровка была прежней – хваткой и твёрдой. Она одним рывком раскрутила окуклившегося в пледе мужика, оставив его без привычного одеяльного доспеха.

– Вот, так-то лучше. Сразу и вид другой – одобрительно хлопнула она его плечу.

По щекам мужа пополз предательский румянец. Вполне себе здоровый.

– У меня озноб! Лихорадка! Отдай плед!

– Лихорадка? – подозрительно повела носом Анна.

Протянула руку и приложила ладонь к его лбу. Тот был холодным, сухим и гладким, как хорошо ошкуренная доска.

– Тридцать шесть и шесть – максимум. Зуб даю. У тебя психосаматика. Такое одеялами не лечится.

Демиан судорожно сглотнул.

– Ты убийца! Ты хочешь моей смерти! Я при смерти! Отдай одеяло!

– Ты уже какой год при смерти, а? – двинулась Семёновна вперёд, но без её необъятного бюста шестого размера выглядело это не так внушительно.

Её бывшие подчинённые на такое бы не купились. Но граф на то и граф, что психика у Их Светлости нежная, восприимчивая. Ему внушительными, судя по всему, и малоразмерки Изабелы показались.

Он заволновался и затрясся.

– Я тебя спрашиваю, малохольный! Всё слуги разбежались! Жрать нечего! Грязи по колено. А он тут – лежит, как ешь, на лавочке. Я тебе полежу! Сейчас ты у меня либо окончательно помрёшь, как Черный Лебедь в Лебедином озере. Либо – подъём!

– В каком озере? Какой лебедь?

– Балетный! И не смей ни о чём меня спрашивать! Я эти балеты не смотрела... почём мне знать?

– Но...

Семёновна схватила его за лацкан камзола и трянула.

– Ишь, франтик! Галстучек узелком модным повязал? Не плохо для умирающего. Коль бантики завязывать сил хватит, значит, не завтра помирать. А ну – вставай! Вставай, сказала! Гусь недощипанный!

Демиан открыл рот, чтобы возразить, но Анна не намерена была его слушать.

Она огляделась.

– Так. Ситуация следующая. Жить в этом свинарнике я не намерена, поэтому прямо сейчас иду искать инструменты и моющие средства. И пока я этим буду заниматься, ты вылезает из кресла. И начинаешь мне помогать. Всё понял?

– Я больной!

– Тогда трудотерапия тебе показана в лечебных целях, – жёстко отрезала Анна. – И только попробуй отказаться от процедуры. Я буду не я, если гне найду в этом мире хорошей банки, соли и большой клизмы. И только попробуй продолжить свой театр – применю. Профессионально.

Демиан поперхнулся воздухом и закашлялся уже по-настоящему.

– Клизму?! Ты с ума сошла! Я граф, а не... не... – он замялся, подыскивая приличное слово, но так и не нашёл.

– А мне всё равно, кто ты, – спокойно ответила Анна. – У нас в Большой Криуше клизма – средство от всех болезней. Голова болит? Клизма. Живот схватило? Клизма. Симулируешь уже третий год? Двойная клизма с солью! Бабка моя так деда за неделю на ноги поставила. Правда, он потом два месяца в огороде от неё прятался, но зато здоровый стал, как бык. На всё сил хватало.

Граф побелел так, что его лицо сравнялось цветом с рубашкой.

– Я не симулирую! – выдавил он, но голос предательски дрогнул. – Бессердечная ты женщина! Никакой тонкости чувств!

– Больному человеку клизма – первое дело, – прищурилась Семёновна. – А тонкость в чувствах – это уж как получится. Очищение организма, знаешь ли... Я быстро. Сбегаю на кухню мигом. Раздобуду грушу.

Она сделала шаг к двери, и в этот момент Демиан понял: эта женщина настроена решительно и шутить не любит.

В её серых глазах не было ни капли сомнения – только холодная решимость прораба, который собрался перекладывать трубы в действующем общежитии.

– Изабель! Ты... не посмеешь... Не осмелишься вести себя столь... вульгарно! Ты – утончённая женщина, умеющая ценить прекрасное... как ты можешь даже говорить о какой-то клизме?

– Могу. Мне терять нечего. Я вообще, если честно, не совсем Изабель. А точнее, вообще ни разу ни она.

Граф уставился на нее с ужасом.

– Что значит "не она"?

– А то и значит, – пожала плечами Анна. – Анна Семёновна из Большой Криуши. Упала со строительных лесов и вот, угораздило – попала в твою жену. Не знаю – как и не знаю почему. Но факт – я здесь. И, как уже сообщила тебе, дурья башка, не собираюсьдохнуть от грязи и голода. Ты меня понял... муж? Если нет, я всё-таки за клизмой.

– Клизмой... – жалобным эхом повторил Демиан.

– Клизма, – кивнула Анна. – По-нашему, по-криушински. Выбирай: с ней или без неё, а это кресло ты покинешь.

Граф судорожно сглотнул. В его голове пронеслась вся его благородная жизнь: титулы, приёмы, дуэли, охота... Нет, он не может позволить себе столь неромантичного лечения.

Кажется, придётся выздоравливать? Но стоит ли так легко сдаваться?

– Ты тут пока посиди, подумай, – ласково посоветовала Анна. – А я тут пойду – облёт сделаю. Посмотрю, что тут у вас да как. А через час, если тебе, дорогой, не полегчает, будем лечиться.

Она повернулась и едва не споткнулась о здорового белого гуся. Тот держал дистанцию и взирал на графиню с явным чувством превосходства.

– А это еще что за... чудо-птица? – спросила Анна подозрительно.

– Арнольд. Мой любимец, – высокопарно сообщил Демиан.

– Арнольд, значит? – прищурилась Анна. – Ну так вот... Арнольд. Ты сейчас быстренько убираешься отсюда. Потому что, если я увижу хоть одну кучку на полу, я сварю из тебя бульон. И это ни разу не шутка – это план на ужин.

Птица грозно загоготала, расправляя крылья. Явно возмущённая таким вопиющим безобразием.

Перешагнув через него, Анна направилась к двери.

– Хочешь продолжать притворяться больным – притворяйся. Но учти – лечить буду безжалостно. Я тебя предупредила.

Арнольд повернул голову и уставился на хозяина с неммым вопросом.

– Она... она правда это сделает? – горько прошептал молодой граф.

Арнольд понимающе загоготал. Гуси вообще много понимают, особенно когда речь идёт о клизмах и соли. Даже если в глаза их не видели – чисто интуитивно.

– Я граф де Круа! – Демиа потряс кулаком в сторону двери. – Я не позволю какой-то там... Аньке из Криуши...

Он не договорил. В коридоре громко звякнуло ведро, заставляя молодого графа подпрыгнуть на месте.

Вздохнув полной грудью, мужчина медленно выпрямился, поднимаясь из кресла. То жалобно скрипнуло, провожая своего хозяина, словно уже скучало.

Так в замке «Гнилой Утёс» началась полная реставрация.

Глава 2. Инвентаризация ужаса

Взгляд прораба, привыкший оценивать масштабы бедствия, метался от одной детали интерьера к другой. Каждая новая «экспозиция» вызывала желание долго, нецензурно и витиевато ругаться.

Коридор в замке был длинным – метров тридцать. С высокими стрельчатыми окнами, правда, увы, большинство без стёкол. Вернее, стекла-то были. Когда-то. Сейчас в них, увы, зияли дыры - аккуратные и круглые. Будто их из рогатки в упор расстреляли. Или из арбалета?

Весьма возможно, что замок лет сто назад подвергся нападению местных готов и вандалов, а хозяева чинить его не стали. Так на память и оставили.

Под ногами хрустела стружка и осколки штукатурки. В углу тоскливо валялся чей-то забытый сапог. Левый. Пейзаж дополняли сухой птичий помет, перемешанный с соломой.

– Боже! – сказала Анна без малейшего пиетета. – Я-то думала, это на стройке в Мытищах была жесь? Я ничего тогда не знала о Гнилом Утёсе. Там вывозили мусор хотя бы раз в неделю, а не в столетие! Но тут?!..

Коридор вывел Семёновну в зал, смутно напоминающий столовую. Когда-то, лет двести назад, до нашествия местечковых татаро-монголово, здесь, наверное, обедали важные господа? А потом таким случился зомби-апокалипсис. И зомби хорошо так попиروвали, отчего (скорее всего) и сохранились эти тёмно-бордовые пятна (вино? кровь? варенье?).

По углам валялись перевернутые стулья - ими, скорее всего, отбивались.

В центре комнаты, как дань эстетический порывам хозяев, стояла огромная картина в золоченой раме. С изображением важного предка в парике. С орденом на груди. Предок гордо смотрел на зрителя.

Рядом с сиятельным портретом торчали другие, от которых остались только рамки без полотен.

– Это что ещё за... деконструктивизм? – возмутилась Анна.

– Барыня, – ответили из пустоты, – вы же сами приказали истопить камин предками вашего мужа?

– Я?! Когда?

– Месяц назад.

В дверях стоял старик. Маленький, сухенький. С лицом, изрезанным морщинами. Он опирался на палку и смотрел на Анну с унылой покорностью, свойственной людям, которые видели в жизни слишком многое: от чумы до нашествия саранчи.

– Вы кто? – ошарашила его Анна новым вопросом.

Лицо старика всё больше вытягивалось, но он старался держаться с достоинством, несмотря на все господские чудачества.

– Грим я, барыня. Дворецкий ваш. Тридцать лет служу Кроу служу.

Глаза у дедуси были умные и цепкие. Такой сразу видит, где у тебя что болит и где в доме что плохо лежит.

– Грим? – повторила Анна. – Слушайте, Грим... Я сегодня сама не своя. И, боюсь, что так и останется. Я упала, головой ударилась, очнулась, всё позабыла. Ну, история долгая, поэтому короче - вы будете моим экскурсоводом... моей Ариадной в лабиринте с Минотавром... моей путеводной звездой...

– Кем я буду, барыня?... – почесал затылок дедок.

– Проводником, по-этому... – Семёновна искала подходящее слово, тоже поскребя затылок. – ...объекту, вот!

– Экскурсоводом, – с сомнением повторил Грим. – Так вы, барыня, это, того... обычно говорите "сопровождающим в моих экспериментальных предприятиях".

– О! Да? Ну, ладно! Сопроведите... то есть ведите по экспериментальному... Короче, покажите мне дом!

И - началось! Каждое помещение было испытанием на прочность, а толковых успокаивающих в новом мире не было.

В малой гостиной обитала стая голубей. Они сидели прямо на карнизах, нежно воркуя. Их помет равномерным слоем покрывал паркет, уложенный красивой ёлочкой.

– Голуби, – устало сказал Грим.

- Почему они здесь?

Грим пожал плечами с видом философа, познавшего настоящий дзен.

– Прошлым летом граф сказал, что эти птицы приносят удачу.

Анна захлопнула дверь и решила в малую гостиную пока не заходить. Разберётся с голубями чуть попозже.

В библиотеке нашлась дюжина пустых шкафов. А книги кучей почему-то лежали в центре.

Анна подняла одну, открыла, заглянула внутрь – там оказалось вырезанное углубление.

– Для фляги, — пояснил Грим. – Ваш свекор, царствие ему небесное, прятал там коньяк от графини-матери.

Анна открыла следующий том – история повторилась.

- Здесь он тоже прятал коньяк?

- Тут был ром, если память мне не изменяет.

- А в этой?

- Рябиновую настойку.

Анна удивленно приподняла бровь:

- Он в каждой книге хранил выпивку?

- Ну, не в каждой, конечно, - помялся Грим. – Через одну.

- Ясно, - захлопнув очередной том, Семёновна закончила с чтением. По крайней мере на сегодня.

Главное зрелище ждало впереди – Парадная зала. Когда Грим распахнул в неё дверь, Анна ахнула - не от восторга, нет. От масштаба катастрофы!

Потолки здесь были высотой в шесть метров. Вдоль стен висели шпалеры, некогда дорогие, вытканные золотой нитью, но ныне обгрызенные мышами и изодранные в клочья.

Возможно и готы, и зомби облюбовали себе это место обоюдно, иначе чем ещё можно было объяснить подобное состояние помещения.

Мраморный пол напоминал карту боевых действий: темные потеки, лужицы, гусиный помёт. На полу, прямо в центре, на бархатных подушках, как фараоны в своих гробницах, спали гуси.

Их было много. Штук двадцать пять. Все жирные и с виду наглые. Серые и белые, они лежали на боку, вытянув длинные шеи. И похрапывали.

Один, самый крупный, дремал на массивном подлокотнике кресла, которое, судя по гербу, принадлежало лично графу.

– Это... это... это... Что это такое?! – наконец смогла выдохнуть фразу Анна, полная праведного гнева. – Почему гуси заняли всю Парадную?! Они ж её всю уср***ли!

– Барыня, не гневайтесь, - забормотал дворецкий, - но барин приказал дать гусям лучшие комнаты. Он сказал, что они... э-э... нервные. И им нужен простор для успокоения нервов. Чтобы их... э-э... не беспокоили.

– Чтобы их не беспокоили?! Гусям – нужен простор?! Я скажу вам, где просторнее всего – на дворе! На лугу у озера! А если простора недостаточно нервным гадам – у меня найдётся для них кастрюлька! Я эту интеллигенцию выведу из Парадной! Я им покажу покой с чаем и лимонными дольками!

Она перешагнула через лужу и решительно подошла к креслу.

Гусь приоткрыл один глаз, посмотрел на нее и демонстративно перевернулся на другой бок, помахав красной лапкой.

– Барыня! Барыня, опомнитесь! Это ж Арнольд! Любимец барина!

– Я помню Арнольда, – Семёновна сдула с лица упавшую чёлку. – Мы уже с ним встречались. И он мне не понравился.

Полная воинственного пыла, она протянула руку к подлокотнику, на котором возлежал Арнольд, намереваясь схватить наглую птицу за шиворот...

Это была ошибка.

Роковая ошибка.

Арнольд открыл оба глаза разом. Глазки у гуся были маленькими, черными. С хищным золотым ободком. Точь-в-точь как у директора строительного треста. И смотрел гусь так, будто ему принесли смету с перерасходом.

Посмотреть в эти глаза было второй ошибкой Семёновны.

– Чего уставился? – рыкнула она на него, делая третью ошибку, переполнившую чашу гусяного терпения. – Вставай, птица. Тебя выселяют!

Длинная гусиная шея выпрямилась, словно древко копья. Во взгляде читалось превосходства высшего существа над низшим.

Ты здесь гость, а я здесь живу! Триста лет - в пересчете на гусиные поколения.

Анна Семеновна шла до конца, не полностью оценив риски:

– Арнольд, ты сейчас сам пойдешь, или тебя выносить?

Гусь встал. За его спиной поднимались другие. Сонное, мирное гоготание сменилось тревожным рокотом. Словно великое птичье воинство поднимались гуси подушек, расправляя крылья и вытягивая шеи.

– Так, – сказала Анна, попятившись. – Тихо! Не стоит горячиться... Ах, вы так, наглецы?! Хотите бой? Грим! Вы - со мной?

– Барыня, я старый. У меня ноги...

Хор из двадцати толстых птиц, возмущенных тем, что потревожили их покой, разразился таким гоготанием, что с карнизов посыпалась штукатурка.

Гуси воинственно двинулись вперед. Они шли стеной – серая, белая, жирная масса перьев, клювов и мускулистых грудей колесом.

Семёновна затруднилась бы сказать, «свиньёй», «клинок» или ещё каким боевым порядком двинуло это воинство, но факт - строй внушал опасения. Если не ужас.

– Бежим! – завопила она аккуратно перед тем, как Арнольд сделал шаг вперед и зашипел. То был сигнал атаки.

Первый удар нанес не Арнольд, а его заместитель. Здоровый серый гусь с красным наростом над клювом. Гусино-индюк в пряжке взлетел на полметра, хлопнул крыльями и со всего размаха врезал Анне по ногам.

– Ай!

Второй гусь, не мешкая, клюнул ее в бедро. Боль была острая, будто ударили раскаленной кочергой, и Анна взвыла, отступая.

– Грим! Помогите!

Дворецкий, успев выскочить в коридор, храбро ухватил барыню за руку и преданно вытянул из общей свары. Спасая Семёновну от горькой участи быть исципанной до синяков и истоптанной навозными лапами в хрючево.

Наваливаясь на тяжелую дубовую створку, оба пыхтели и сопели, пытаясь закрыть дверь, чтобы отрезать гусям путь к наступлению. Контратака провалилась - боевые птички шустро ломанулись в образовавшийся проем, прорываясь в следующее за Парадным помещение. Их становилось всё больше и атаковали они всё яростнее.

– Отступает, Грим! Отступаем! – командовала Семёновна.

- Принимаем поражение? Сдаёмся, барыня?

- Никогда! Это временное стратегическое отступление!

Они нырнули в коридор, захлопнув за собой дверь с такой силой, что та задребезжала.

Прислонившись к косяку, оба пытались отдышаться.

На бедре Анны горел синяк. На рукаве — след от клюва. Никогда ещё в своей жизни никто не смел с ней так обращаться! Но что поделаешь? В жизни любого человека наступает час Х.

Гуси продолжали бушевать за дверью. Они били клювами в дубовые створки, гоготали, шипели. Арнольд, судя по голосу, командовал операцией.

– Грим, – выдохнула Анна, – вы это видели?

– Видел, барыня. И не впервые. Я вам говорил – они нервные.

– Это... это - заговор! Птичий бунт! Я их... я их – всех...

Она задумалась – что бы им такое придумать? По-настоящему укротительное?

Как строитель со стажем, Семёновна повидала многое. Приходилось брать штурмом объекты, которые не сдавались по полгода. Она перекрывала воду нерадивым соседям и разруливала конфликты между монтажниками и отделочниками. Ну неужели же с гусями не справиться?

– Ладно, – сказала она, успокаивая дыхание. – Мы их выморим.

- Чем? – недоверчиво сощурился Грим.

- Голодом.

– Они найдут корм на улице.

– Воду им перекроем!

– У них целое озеро на заднем дворе.

Анна закусила губу - пришлось признать, что в этом забеге гуси победили. И Парадный Зал остаётся за ними.

Пока!

Буря за дверью потихоньку стихала. Злобные птицы успокоились, но не ушли. Слышно было, как они топчутся на месте.

– Ладно, – сказала Анна, потирая ушибленное место. – Мне нужен план. И чай. Грим! Ведите меня на кухню.

Она развернулась и зашагала за верным дворецким по коридору, стараясь при этом не хромать.

Позади раздавались гусиные победные крики.

– Рано радуется. Еще посмотрим, кто тут главный, – тихо пообещала сказала Анна, сжимая кулак.

Глава 3. Кухня – фронтовая полоса

- Грим, принесите мне ручку и лист бумаги. Буду составлять план расчистки.
- Чего расчищать хотите, барыня?
- Территорию,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.